

в тайных яко левъ въ ограде своей» (л. 12 об.). Не является ли необычная окраска двух этих львов приемом художника, желавшего подчеркнуть, что в данном случае изображены не реальные, а «мысленные» львы? В дальнейшем животные окрашены уже в естественные цвета. На л. 41 об. дикая лошадь и мул иллюстрируют обращение: «Не будете яко конь и меск, им же несть разума». На полях псалма 48-го, обращенного к богатым и знатым, а также к умным и глупым с напоминанием о том, что все смертны, «человек в чести» дважды уподобляется «скотам немисленным»; к этому сравнению привязано изображение свиней, подкапывающих дерево, с которого сыпятся желуди.

Одними из распространенных сравнений Псалтири являются сравнения с птицами, употребляющиеся обычно при описании душевных переживаний героя. Многие из этих сравнений отразились в иллюстрациях Киевской псалтири. С жизнью птиц сравнивается одиночество и беззащитность героя — в псалме 10-м, об иллюстрациях которого (стреляющие грешники и черти-подстрекатели) говорилось выше, а также в 101-м псалме, где говорится об одинокой птице на крыше, — или наоборот, относительная безопасность и отсюда спокойное расположение духа, умирение. Так, в начале псалма 83-го говорится: «Коль възлюблена села твоя господи сил . . . сердце мое и плоть моя възрадовастся о бозе живе, ибо птица обрете собе храмину и горлица собе гнездо, идеже положи птенца своя». Иллюстрировано это весьма конкретно и реалистично: на высоком, мощном дереве — гнездо с птенцами, вокруг которого летают две птицы — одна крупная, другая меньше (л. 116 об.). Аналогичная иллюстрация около стиха второй песни Моисея (л. 209 об.): «И схрани его, яко зеницю ока, яко орел покрыти гнездо свое» (речь идет о народе израильском). Сравнение с орлом иллюстрируется еще в одном месте — около стиха 102-го псалма: «обновится, яко орлу уношь твоя»; под деревом, на котором сидит орел, стоит старец. Птицы на деревьях, видно, так понравились художнику, что он даже петуха перед апостолом Петром посадил на дерево (л. 54).

От изображений животных, иллюстрирующих сравнения, естественно перейти к иллюстрациям зооморфных символов и аллегорий: символика часто рождается из сравнения и перерастает в аллгорию; все это можно проиллюстрировать на примере Киевской псалтири.

Так, например, в 21-м псалме описывается отчаяние оставленного всеми и окруженного врагами человека, которое ассоциируется у иллюстратора с описанием крестных страданий Христа, очевидно, потому, что первый стих этого псалма — «Боже, боже мой, вонми ми вьскую мя остави!» — почти буквально приводится в Евангелии в качестве последнего, предсмертного крика Христа. Многие стихи этого псалма употребляются в богослужениях страстной недели; поэтому зооморфные сравнения его иллюстрируются не изображениями соответствующих животных, а более сложными, символическими фигурами. Стихи «Обыдоша мя телци мнози, унци (быки, — Н. Р.) тучнии одержаша мя» и «яко обиидоша мя пси мнози» иллюстрируются изображениями воинов, окружающих Христа; в первом случае (л. 27 об.) они в рогатых шлемах,⁹ во втором — с песьими головами. И тут же рядом изображены обычные воины, весьма реалистично прибавляющие к кресту Христа и делящие, сидя на щитах, его одежду.

Зооморфная аллегория представлена в Киевской псалтири как отдельными фигурами, изображенными обычно вне пейзажа, так и сложными

⁹ В рогатых шлемах изображены «грешники» и в иллюстрации стиха 74-го псалма «вся рогы грешных сломаю» (л. 193). Так буквально понял художник слово «рог», символизирующее в Библии силу, могущество преимущественно царей.